

Очевидная неочевидность

Лет двадцать с небольшим назад, в эпоху горбачевской перестройки, содержание воспроизводимой ниже статьи видного деятеля венгерского и советского коммунистического движения Бела Куна (1886—1938), одного из лидеров Венгерской советской республики 1919 года, а затем — ответственного сотрудника Исполкома Коминтерна, не вызвало бы особых вопросов и едва ли потребовало комментариев. Тогда было все ясно: Сталин — «плохой», все кто против Сталина — «хорошие», а поскольку в 1932 году Б. Кун, расстрелянный в 1938-м, был еще со Сталиным, то его тоже причислили бы к «плохим». И уж совершенно очевидным казалось то, что за приход Гитлера к власти немалая доля ответственности лежит на немецких коммунистах, их лидере-догматике Эрнсте Тельмане (1886—1944) и, уж конечно, на Сталине и его подручных, не позднее 1929 года пустивших в оборот термин «социал-фашизм», намертво закрывший путь к единству действий коммунистов и социал-демократов.

Ныне, однако, когда история первой половины XX века уже не воспринимается исключительно в черно-белых тонах, картина того драматического периода предстает гораздо более сложной и неоднозначной. Только спустя десятилетия может показаться, что идея единства действий, в 1930-м вброшенная Л. Д. Троцким, выглядит самоочевидной. На самом же деле, объективные политические реалии рубежа 1920— 1930-х годов не только не способствовали объединению двух «рабочих» партий, но и прямо их разделяли: ведь они действовали на одном поле, выступали прямыми конкурентами в борьбе за влияние на промышленных рабочих и шире — низы общества и радикальную часть интеллигенции.

Кроме того, у коммунистов были серьезные причины ненавидеть социал-демократов, и прежде всего — именно в тех странах, где к власти пришли тоталитарные режимы. Сегодня как-то не принято придавать значения таким, в принципе известным, фактам, как начало политической биографии Б. Муссолини (ставшего политическим лидером именно в рядах итальянских социалистов) или позиция руководства партии немецких социал-демократов (СДПГ) — в частности Густава Носке (1868—1946), охотно согласившегося стать «кровавой собакой», — по отношению к коммунистам в период Ноябрьской революции 1918 года в Германии. Но в 1932-м об этом забыть еще не успели; и не только об этом.

И Муссолини, и Носке, и их ближайшие сподвижники видели в коммунистах исчадие ада, более страшное, чем капитализм. Более того, именно стремление

сторонников «демократического социализма» (который в то время предпочитали называть «австромарксизмом») интегрироваться в этот капитализм и стало главным камнем преткновения в отношениях с коммунистами. Итоги этого курса известны. Для кого-то (Муссолини) он закончился политическим перерождением, для кого-то (Носке и иже с ним) — позорной капитуляцией перед нацизмом. Но отношение к коммунистам при этом не менялось. В рамках политических систем западных стран образца 1920—1930-х годов последние (в отличие от становившихся все более «респектабельными» социал-демократов) оставались изгоями, одинаково чуждыми как для «буржуазных», так и для «рабочих» политиков. В частности, это четко видно применительно к Германии, где СДПГ (наряду с католической Партией Центра, либеральной Немецкой демократической партией и консервативной Немецкой народной партией) составляла одну из основ всей Веймарской политической системы.

Стоит ли удивляться тому желчному тону, в котором Б. Кун говорит о лидерах СДПГ — Карле Зеверинге (1875—1952), Эрнсте Гейльмане (1881—1940), Франце-Йозефе Фуртвенглере (1894—1965), одном из лидеров АДГБ (Всегерманской федерации профсоюзов), Рудольфе Гильфердинге (1877—1941) и других? Не будь согласия со стороны СДПГ, разве могли бы сложиться и успешно работать кабинеты Генриха Брюннинга (1885—1970) (март 1930-го — май 1932 года) и Франца фон Папена (1879—1969) (июль—декабрь 1932-го), подготовившие почву для утверждения нацизма?

Вполне понятным выглядит и то презрение, с которым Б. Кун отзывается о своем соотечественнике Сигизмунде Кунфи (1879—1930), одном из палачей Венгерской советской республики 1919 года, или об итальянце Лодовико Д'Арагоне (1876—1961), с приходом фашистов к власти высказавшемся за роспуск объединение левых профсоюзов — ВКТ. Наконец, мог ли Б. Кун уважать таких неплохо «интегрированных» в капитализм персонажей, как министры и депутаты «от социализма» Фридрих Аустерлиц (1862—1931) (Австрия), Пьер Рендель (1871—1935) (Франция), Эмиль Вандервельде (1866—1938) (Бельгия) и других?

Все эти политики играли решающую роль в Социалистическом Рабочем Интернационале, Венский конгресс которого (25 июля — 1 августа 1931 года) в условиях начавшегося экономического кризиса 1929—1932 годов в очередной раз подтвердил готовность к «конструктивным» контактам с правительствами своих стран. Между тем, XII пленум Исполкома Коминтерна в 1932 году высказался прямо противоположным образом: капиталистическая «стабилизация» закончилась, начинается время новых потрясений. Сегодня, спустя 80 лет, это замечание кажется провидческим. ◆